

Она вынула из своего переносного мешочка с лекарствами несколько свертков и раздала их присутствующим.

— Это чай для успокоения духа, который я приготовила. Вернувшись домой, заварите его тремя чашами воды, пока не останется одна, и выпейте горячим. Он успокоит ум, снимет испуг и прогонит холод, а ночью вы сможете спать спокойно.

Ее слова подействовали на натянутые до предела нервы людей, словно легкий весенний ветерок. Кто-то тут же с благодарностью взял сверток:

— Большое спасибо, доктор Чжоу! Как всегда, вы обо всем подумали!

— Точно-точно, только что у меня от страха ноги подкашивались, как раз нужно выпить чего-нибудь для успокоения!

Чжоу Тяньэ смотрела, как они бережно прячут лекарство, а в глубине ее глаз промелькнул неуловимый, зловещий отблеск.

Испуг, конечно, нужно успокоить.

Но посеянное сегодня зерно сомнения нельзя оставлять в покое.

Она отчетливо уловила глубокое, испытующее выражение в глазах жены уездного начальника, а также заметила перешептывания и переглядывания остальных.

Впечатление о том, что Монастырь Линъинь замешан в делах с кланом Ёкаев, уже пустило корни в их сердцах.

Пейте свой успокаивающий чай, а что до увиденного и услышанного сегодня — какие мысли они родят в ваших тихих снах?

Что ж... это уже вне зоны моего контроля.

На обратном пути атмосфера была уже не такой непринужденной, как по дороге туда.

Горный ветерок, проносящийся сквозь кроны деревьев, больше не приносил аромата травы и листвы — напротив, от него по спине бежали мурашки.

Люди шли молча, был слышен лишь хруст сухих ветвей под ногами да чуть учащенное дыхание.

Хотя те помощники и получили предупреждение от жены уездного начальника и не смели громко обсуждать случившееся, в их переглядываниях читались тревога и неуверенность.

Кто-то не выдерживал и то и дело оглядывался на темный чащи леса, словно опасаясь, что та соблазнительная женщина в оранжевых одеждах или злобная женщина-ёкай с синими узорами на лице снова бросятся в погоню.

А сцена, где Чжао Бинь напоследок сжал руку крольчихи, и вовсе словно клеймо врезалась им в память, не давая покоя.

План по уничтожению ёкаев? Разве для этого требуется столь... близкое общение?

Этот вопрос тяжелым грузом давил на сердце каждого.

Будучи благородной дамой, жена уездного начальника прекрасно понимала, какие потрясения могут принести «демоны и нечисть». Это дело касалось умонастроений простого народа, а возможно, и репутации ее мужа как правителя.

Ей следовало тщательно обдумать, как доложить об этой диковинной истории своему супругу.

Чжоу Тяньэ намеренно замедлила шаг и поравнялась с женой уездного начальника. Голосом, предназначенным только для двоих, она произнесла — то ли со вздохом, то ли мягко направляя мысли:

— Госпожа, то, что произошло сегодня, поистине ужасает.

Монастырь Линъинь славится своими благовониями, а Святой монах и наставник Чжао Бинь пользуются известностью далеко за его пределами, издавна почитаясь за защитников простого народа от демонов и нечисти...

Только вот... почему они так... запутались в отношениях с ёкаями, не кроется ли тут каких-то иных обстоятельств?

Она умолкла, оставляя достаточно простора для воображения, а затем продолжила:

— Остается лишь надеяться, что подобные невнятные дела не остудят сердца верующих и не нарушат мир вгородке Хуатянь.

Услышав это, жена уездного начальника не стала отвечать сразу, лишь слегка кивнула, сохраняя спокойный тон:

— Слова доктора Чжоу отражают и мои тревоги.

До тех пор пока истина не ясна, спешить с выводами, пожалуй, не стоит, но... проявлять бдительность всегда полезно.

Это означало, что ее слова упали на благодатную почву.

Вся процессия вернулась в Цыцзиуань, и люди разошлись по домам.

Этой ночью во многих усадьбах городка Хуатянь люди погрузились в причудливые, пугающие кошмары.

Жене уездного начальника приснилось, будто их собственную усадьбу опутали лианы и щупальца, Чжао Бинь восседает в главном зале вместе с той женщиной в оранжевом и демоницей с синими узорами, а ее собственный муж, уездный начальник, словно марионетка на ниточках, отвешивает им поклоны.

Она хотела закричать, но не могла издасть ни звука, видя лишь, как крольчиха Бай Сюэ подпрыгивает и вонзает ярко-красную морковку ей прямо в сердце...

Некоторым из помощников, ходивших с ними, приснилось, что в главном зале Монастыря Линьинь милосердные лики статуй Будды превратились в насмешливое лицо Цзигуна, а за колоннами храма громоздились жуткие тени.

Чжао Бинь чокался чашами с теми самыми демоницами, и их смех звучал зловеще.

Другим же привиделось, будто они снова пришли возжечь благовония, а монахи, внезапно обратившиеся в свою истинную звериную сущность, преследуют их и разрывают на части.

Каждый кошмар непременно вращался вокруг близости Чжао Биня с ёкаями и ужасающей картины того, как Монастырь Линьинь уже оказался пропитан нечистью.

Сны были до боли реалистичными.

Пробудившись, они еще долго не могли избавиться от учащенного сердцебиения, холодного пота и оставшегося в душе страха.

На следующий день, встретившись вновь в Цыцзиуане, помощники выглядели бледными, под глазами залегли темные круги, и они обменивались испуганными взглядами.

Однако никто не решался вслух рассказать о том, что привиделось во сне, и все говорили лишь

обиняками:

— Прошлой ночью... спалось плохо, все мерещилось всякое дурное...

— И у меня... сердце не на месте, кажется, будто... зловещая ци из того леса увязалась следом.

Хотя жена уездного начальника и не делилась этим с посторонними, утром, глядя в зеркало во время утреннего туалета, она машинально прижала руку к груди — сцена из сна, где ей пронзают сердце, стояла перед глазами так живо, словно происходила наяву.

Она подозвала доверенную служанку и отдала тихий приказ: усилить патрулирование внутри усадьбы и за ее пределами, особенно в ночное время.

Кроме того, она подробно пересказала мужу все, что произошло накануне.

Прошло всего несколько дней, как по городу поползли тайные пересуды.

А вы слышали? Наставник Чжао Бинь из Монастыря Линьинь обжимается с какими-то писаными красавицами-демоницами в лесу за городом!

Да не то слово! Говорят, он еще и защищал одну из них — крольчиху, которую звал Бай Сюэ!

О небеса! А Живой Будда Цзигун знает об этом? Неужели он тоже...

Тсс! Попридержи язык! Впрочем... сказать, что он совсем не в курсе, пожалуй, трудно заставить людей поверить...

Теперь, отправляясь в Монастырь Линьинь возжигать благовония, в душе чувствуешь какую-то тревогу...

Чжоу Тяньэ сидела во внутреннем дворе Цзичунтан, ее пальцы касались свежесобранной травы, а сама она ощущала в воздухе тонкую, изменчивую мутную ци, рожденную поколебленной верой.

На душе у нее было радостно.

Цзигун, ты вечно твердишь, что поступаешь по велению сердца и спасаешь тех, кого должно.

Но теперь твой ученик увяз в делах с кланом Ёкаев, сея панику среди людей — как же ты собираешься распутать эту кармическую связь?

Способна ли твоя истинная дхарма спасти все эти бесчисленные бранные уста?

Внутри Монастыря Линъинь.

Чжао Бинь вернулся в обитель уставший и подавленный. Разумеется, он первым делом отправился к Цигуну с докладом: доложил, что разыскать Бай Сюэ не удалось, вестей о Чэнь Ляне добыть тоже не вышло, зато довелось столкнуться с преследованиями со стороны Чжан Сяохуэй и Люй Цзи.

Цигун, покачивая оборванным веером, по-прежнему сохранял свой беззаботный и насмешливый вид.

Он лишь бросил: «Если предначертанное не пришло, насильно не удержишь», не стал вдаваться в подробности и вместо этого велел Чжао Биню отправиться в задний двор колоть дрова, чтобы тот не предавался лени.

Чжао Бинь немного успокоился, решив, что на этом инцидент исчерпан.

Однако он не ведал, что за стенами обители в городке Хуатянь уже поднимались скрытые течения.

Первым неладное почуял надзирающий монах Гуанлянь.

В последние дни он заметил, что верующих, жертвующих масло для лампад, стало как будто меньше. Хотя это бросалось в глаза не сразу, но количество пересчитываемых им ежедневно медных монет говорило само за себя.

Да и те пожилые прихожане, что обычно отличались глубоким благочестием, во время земных поклонов то и дело отводили глаза.

Во взглядах, бросаемых ими на статуи Будды и проходящих мимо монахов, прибавилось прежнего безоговорочного доверия, а прибавилось трудно скрываемого прищура и сомнений.

— Странно... — Гуанлянь погладил свой пухлый подбородок, и его маленькие глазки забегали.

— Уж не проявили ли мы где-то небрежность, чем расстроили паломников?

Но по-настоящему тонкая бумага истончилась и порвалась после визита жены уездного начальника.

Она не стала устраивать пышной процессии, взяв с собой лишь личную служанку, и под

предлогом исполнения обета прибыла налегке и без лишнего шума.

Закончив возжигать благовония, она изъявила желание увидаться со Святым монахом, заявив, что у нее есть вопросы по мирским делам.

В келье Цзигун, как всегда, сидел в небрежной, вальяжной позе, почесываясь и зевая.

Жена уездного начальника сидела напротив, соблюдая все правила приличия, ее тон был мягким, но каждое слово — выверенным:

— Святой монах проявил милосердие, даровав жителям городка Хуатянь мир и покой, и эта верующая безмерно благодарна вам.

Только вот в последнее время в народе ходят... не самые добрые слухи, порочащие доброе имя вашей обители. Поразмыслив так и эдак, я сочла необходимым донести это до сведения Святого монаха.

Она не стала напрямую упоминать обпутавшемся с демонами Чжао Бине.

Лишь туманно обмолвилась:

— Кое-кто видел, как ваши высокочтимые ученики... излишне близко сходятся с нечеловеческими созданиями, что вызывает подозрения у простого люда.

Боюсь, как бы это не запятнало вековую репутацию Монастыря Линьинь и не пошатнуло основы народного доверия.

Услышав это, Цзигун поковырял в ухе и хмыкнул:

— Подумаешь, беда! Дамочка, вы зря беспокоитесь!

В мою обитель приходят все подряд, кто имеет предначертанную связь — будь то человек, ёкай или бессмертный, — все могут сесть и вести беседы о Пути.

А умы людей волнуются лишь оттого, что их собственная практика недостаточна: они не видят сквозь внешнюю оболочку и привязываются к суекат!

Его слова прозвучали легко и непринужденно, с таким налетом превосходства в духе: «все вокруг пьяны, один я трезв».

Он не дал никаких существенных объяснений или успокоений.

В глазах жены уездного начальника мелькнул огонек, и ее сомнения не только не развеялись, но стали еще глубже.

Она поднялась и почтительно поклонилась.

— Постижение Святого монах столь высоко, что простым смертным вроде нас его не достичь. Раз так, эта верующая не смеет больше утруждать вас.

Когда она повернулась, чтобы уйти, в глубинах ее глаз застыло непроницаемое ледяное выражение.

Этот Святой монах, судя по всему, ни во что не ставит мирские мнения и совершенно равнодушен к тому, на чьей стороне народные симпатии.

Что это — духовное освобождение или... высокомерие?

Слухи распространялись со скоростью пожара. Новость о том, что жена уездного начальника лично поднялась в гору, чтобы устроить допрос Святому монах, в сочетании с прежними лесными сплетнями мгновенно разнеслась по всему городку.

Пусть детали оставались туманными, но то, что Монастырь Линъинь повязан с ёкаями и дело дошло даже до жены уездного начальника, было неоспоримым фактом.

В Цзичуньтан приходившие за исцелением люди неизбежно принимались шушукаться меж собой:

— Слыдали? Жена уездного начальника сама ходила разбираться!

— Похоже, дело и впрямь нечисто...

— Эх, если в доме опять заведется какая нечисть, осмелится ли кто-нибудь идти за талисманами в Монастырь Линъинь? Как бы не накликать беду, пустив козла в огород!

— То ли дело доктор Чжоу — спасает жизни, все честно и открыто.

Чжоу Тяньэ, проверяя пульс пациента и прислушиваясь к этим шепоткам, отвечала на похвалы со скромной улыбкой.

Цзигун, ты слышишь?

Твое следование сердцу и кармические связи капля за каплей теряют народную поддержку.

Ты думаешь, что спасаешь тех, кому суждено, но позабыл, что этот мир держится на простых чаяниях и вере бесчисленных обывателей.

Когда это доверие рухнет, сколько продержится твое учение среди смертных?

Она подняла взгляд в сторону Монастыря Линъинь, и ее взор, казалось, пронзил толщу стен.

Этот спектакль становился все интереснее.

А у пленницы во внутреннем дворе Монастыря Линъинь Чжао Бинь изо всех сил рубил дрова, оставаясь в полном неведении о бурях, кипевших внизу, у подножия горы.

Его мысли были заняты лишь той белой крольчихой, что сбежала неизвестно куда, вызывая в нем смесь досады и жалости.

Чжоу Тяньэ медитировала в тихой келье, как вдруг ее брови резко сошлись на переносице.

Она почувствовала, как заклинания поиска и слежки, наложенные на Е Цина и Инь Хуань, затрепетали от сильнейших колебаний!

Более того, эти колебания переплетались с аурой тех самых ёкаев, что были обнаружены ранее!

Она тут же сосредоточилась и при помощи техники водного зеркала принялась издалека высматривать происходящее.

В отражении предстала такая картина: Е Цин защищал Инь Хуань, чье дыхание слабело с каждой секундой, а лицо покрывалось безобразными язвами, и они с трудом пробирались к какому-то уединенному водоему.

Ходили слухи, что там растет волшебная трава, способная унять боль; пусть это место и охранял клан драконов, им уже было не до того.

Однако стоило им приблизиться, как дорогу преградили несколько демонических силуэтов.

Это были Чжан Сяохуэй, Люй Цзи, а также та самая крольчиха по имени Бай Сюэ!

— Ой, да это же сестрица Инь Хуань! Как же тебя угораздило превратиться в такое страшилище? — Чжан Сяохуэй прикрыла рот ладонью, хихикая, и ее тон сочился ядом.

Е Цин заслонила Инь Хуань спиной и с мрачным видом произнес:

— Чего вы добиваетесь?

— Ничего особенного, просто подумали... что вам, пожалуй, стоит сменить хозяина, — усмехнулась Люй Цзи, то высушивая, то втягивая обратно свой раздвоенный язык.

Е Цин, разрываясь между заботой об Инь Хуань и необходимостью противостоять трем ёкаям, мгновенно оказался в невыгодном положении.

И в тот момент, когда длинный язык Чжан Сяохуэй заставил его отступить на несколько шагов назад, на них внезапно обрушился жуткий, ледящий душу злобный ветер!

— Бам!

Черная молниеносная тень со страшной силой обрушилась на грудь Е Цина!

Он даже не успел среагировать, как, словно бумажный змей с оборванной нитью, отлетел назад, изрыгая полные рты крови. Тяжело рухнув на землю, он мгновенно угас, а его аура испарилась.

Чжоу Тяньэ, разглядев сквозь водное зеркало эту черную тень, сузила зрачки.

Это был мужчина с растрепанными седыми волосами, алыми белками глаз и устрашающим черепным украшением на лбу. От него исходила мощнейшая, зловещая волна демонической ци!

Это лицо... Чэнь Лян?!

Ученик Цигуна из Монастыря Линъинь, тот самый праведный адепт Пути!

Но сейчас от него исходила чистейшая, тысячелетняя сущность демона!

«Чэнь Лян» даже не взглянул на умирающего Е Цина. Его налитые кровью глаза уставились на перепуганную насмерть Инь Хуань, а низкий голос звучал невыразимо соблазнительно:

— Хочешь вернуть прежнюю красоту?

Хочешь избавиться от этой гниющей, нестерпимой боли?

Хочешь успешно отрастить драконью чешую, перепрыгнуть через ворота дракона и обратиться истинным драконом?

Каждый его вопрос заставлял жажду в глазах Инь Хуань разгораться все ярче.

— Вступи в мою обитель и служи мне. Я исполню любое твоё желание.

— Я согласна! Я согласна! Спаси меня, Повелитель!

Почти крича, Инь Хуань из последних сил забила, пытаясь подползти к нему!

— Инь Хуань, не смей!

Нельзя якшаться с нечистью!

Уголки губ «Чэнь Ляна» изогнулись в жестокой усмешке, и его фигура вновь метнулась вперед, подобно призраку.

— Хлюп!

Одна рука насквозь пронзила грудь Е Цина, который силился приподняться на локтях.

Его сердце было раздавлено!

Демоническое ядро вместе с самой жизненной силой в мгновение ока оказались вырваны и уничтожены!

— Е Цин!.. —

Инь Хуань выдавила из себя короткий визг, но в ее прекрасных рыбьих глазах ужас перевешивал скорбь.

«Чэнь Лян» стряхнул с руки кровь и грязь, словно раздавил назойливую букашку.

Он небрежно бросил в тело Инь Хуань сгусток темной ци, и разъедавшая ее день за днем гнилостная боль действительно схлынула, оставив лишь пугающие рубцы.

— Под моим началом нет места бесполезным и нерешительным, — холодно произнес он.

Ощувив долгожданное «облегчение», Инь Хуань больше не испытывала ни малейших сомнений.

подавив животный страх перед безжизненным телом Е Цина, она распростерлась ниц.

Ее голос дрожал от возбуждения:

— Инь Хуань... приветствует Повелителя! Готова служить вам верой и правдой!

— Прекрасно, — демон Чэнь Лян довольно кивнул и достал из рукава излучающую зловещий зеленый свет бусину, протянув ее Инь Хуань.

— Возьми ее и постарайся незаметно пронести в Монастырь Линьинь. Когда все удастся, ты получишь все, чего желаешь: безупречную внешность, безграничную силу и... шанс обратиться драконом.

Инь Хуань дрожащими руками приняла ледящую зеленую бусину, а в ее глазах пылал безумный, жадный огонь.

— Повелитель может не сомневаться! Инь Хуань выполнит приказ!

Перед водным зеркалом Чжоу Тяньэ медленно рассеяла заклинание.

Падение Чэнь Ляна... предательство Инь Хуань... и прямая цель в виде Монастыря Линьинь.

Внутри Монастыря Линьинь, в келье.

Цигун, который сидел, задрал ногу и ковыряя в носу, вдруг резко замер. Без всякого предупреждения его пробрала сильнейшая дрожь, а необъяснимый, пронизывающий до костей холод мгновенно окутал все тело, словно его поглотила невидимая тень.

— Ой-ёй-ёй! —

Издав странный вопль, он вскочил с порванного циновки и принялся яростно растирать плечи.

— Что за чертовщина? Старик вроде бы никому за вино в последнее время не задолжал?

С чего это вдруг такое чувство, будто на меня уставилось что-то невообразимое?

Он впервые за долгое время сбросил с лица шутливое выражение.

Монах быстро сложил пальцы в мудру для гадания, но брови его сошлись еще круче — небесная тайна была окутана непроницаемым туманом!

Не удавалось вывести ни малейшего источника опасности!

— Тц... — Цзигун шумно втянул воздух, почесывая заиндевевшую от грязи макушку.

— Беда, беда! Какая-то огромная карма и чудовищная злая сила нацелились прямо на старика!

Небесные тайны скрыты пеленой, похоже, эта дрянь явилась специально, чтобы чинить препятствия!

Пусть он не мог вычислить детали, но уровень его культивации позволял смутно предчувствовать собственную судьбу и удачу.

Этот холод и кармический груз, окутавшие его келью, явно превосходили возможности обычных ёкаев — они определенно целились в его истинную сущность переродившегося архата Цзилуна!

— Нет-нет, нужно принять меры предосторожности!

Не проявляя больше ни капли беспечности, Цзигун качнулся и в мгновение ока очутился перед главным залом Дасюнбаодянь.

Лицо его было сурово, губы шептали заклинания, а взмахи потрепанного веера породили ослепительные волны благостной золотой ци, взмывшие в небеса. словно перевернутая золотая чаша, они накрыли весь Монастырь Линъинь целиком!

В сиянии золотого света можно было разглядеть бесчисленные крошечные санскритские символы свастики, что кружились и сплетались в несокрушимую сеть.

Эта формация не только защищала от внешнего зла, но и обладала мощнейшей способностью обнаруживать и отталкивать демоническую сущность.

— Хе-хе, — закончив расставлять защиту, Цзигун хлопнул в ладоши и вновь обрел прежнюю беспечность.

— Каким бы монстром или демоном ты ни был, вздумай штурмовать мой монастырь в лоб — сначала подумай, хватит ли зубов!

Чтобы исключить любые случайности, он созвал нескольких монахов-воинов, обладавших боевыми навыками, в том числе монаха Шашэна, и строго наказал им:

— В эти дни в обители беспокойно, снаружи могут объявиться крутые противники. Все будьте

начеку, без нужды за ворота не выходить, ворота охранять строго, и чтоб даже муха не пролетела внутрь!

Монах Шашэн басовито угукнул и принялся разминать кулаки, втайне надеясь, что кто-нибудь решится сунуться сюда.

Цзигун счел свои приготовления безупречными: защита стояла как изнутри, так и снаружи, и обитель превратилась в неприступную крепость.

Размахивая веером, он окинул взглядом казавшийся мирным горный лес за стенами монастыря и пробормотал про себя:

— Ну теперь-то все должно быть надежно, верно? Какая бы рогатая нечисть ни явилась, пока ты не переступил порог, старик сможет тянуть время сколько угодно и выведет тебя на чистую воду!

Тогда-то он и призовет дхарма-тела Толстого и Тощего небожителей и Линьчаня.

Снаружи Монастыря Линьинь.

Золотой свет, словно палящее пламя, наглухо преградил путь пытавшимся приблизиться Чжан Сяохуэй, Люй Цзи и прочим ёкаям, опалая их демоническую ауру и заставляя издавать мучительные вопли.

— Проклятье! Барьер этого лысого просто ужасен!

Чжан Сяохуэй взмахивала щупальцами и бранилась, но не смела по-настоящему прикоснуться к сияющему свету Будды.

Лишь Инь Хуань по знаку холодного взгляда «Чэнь Ляна» дрожащим шагом двинулась вперед.

К удивлению всех ёкаев, ослепительный свет Будды, способный обратить их в прах, при соприкосновении с телом Инь Хуань послушно и мягко расступился, словно вода, огибающая утес, не причинив ей ни малейшего вреда!

И впрямь: свет Будды в Монастыре Линьинь признал эту рыбину, прошедшую «очищение»!

Ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха.

Инь Хуань ликовала в душе, полагая, что это милость, дарованная ей Повелителем.

Больше не колеблясь, она обратилась слабым водяным сиянием, стремительно проскользнула сквозь барьер и бесшумно растворилась в том самом лotosовом пруду обители, который был ей так знаком.

Вода в пруду была ледяной, а стебли лотоса переплелись на дне.

Инь Хуань погрузилась на самую глубину, укывшись илистым дном часть своих гниющих ран.

Она дрожащими руками извлекла излучающую зловещее зеленое сияние бусину, а в глазах ее пылало желание избавиться от страданий и обрести силу.

— Получится, как только все получится, я смогу...

Бормоча себе под нос, она, следуя указаниям Повелителя, напрягла остатки слабой демонической ци и с силой вдавила бусину в илистое дно пруда!

— Плюх... —

Раздался тихий звук, похожий на лопнувший пузырь.

<http://bllate.org/book/21973/2282994>